

ИСТОЧНИКИ ЗООМЕТАФОР В ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Статья представляет собой обзор ряда лингвистических исследований, посвященных изучению зоометафор в различных языках. Автор рассматривает процесс использования наименований животных для обозначения людей в диахронии. В статье выявляются основные источники зоометафор с древних времен анимализма до сегодняшнего дня. Автор выделяет следующие источники зоометафор: повседневные наблюдения людей за окружающими животными, фольклор, мифологию, религиозные верования, национальную и мировую литературу. В статье находит объяснение различие в семантике зоометафор разных языков, а также приводится ряд лингвистических и экстралингвистических факторов, обуславливающих данные различия.

Образы животных издавна служили одним из средств выражения представлений о человеке и мире в его различных проявлениях. Исследование Е.С. Яковлевой доказывает, что в древнерусском языке лексическая база для описания человека и животного была практически общей. Дистанцирование этих предметных сфер происходило со временем, а "очеловечивание" животных шло в несколько этапов. Первыми по значимости и времени были приписывание животному человеческих характеристик (*петух – щеголь, хомяк – жадина, кот – бандит, хитрец, лстец*) и интерпретация действий животного по человеческой схеме (*слоны спешат на водопой*, где слонам приписывается способность владения временем). Более поздний способ очеловечивания животного – это наделение его внутренним миром [1, с. 403]. По мере спецификации языка описания сфера животных дистанцировалась от сферы человека. О переносном использовании языка, т.е. о появлении зооморфизмов, имеет смысл говорить только тогда, когда слово стало устойчивой характеристикой той или иной предметной области [1, с. 410]. Дистанцирование явилось следствием ценностной дифференциации, трактовавшей сферу животных в духовном, этическом и эс-

тетическом плане как низкую по сравнению с человеком.

Несмотря на постепенное дистанцирование мира животных и человека, между ними всегда наблюдался некий параллелизм. Следует согласиться с С.И. Добровой в том, что субстанциональное сходство человека и животного в строении тела, в практической деятельности и во взаимоотношениях между членами группы животных и человеческого коллектива, а также близость и взаимодействие человека и животного в окружающем мире в значительной степени обуславливают этот параллелизм [2, с. 16-17].

Как отмечают исследователи зоометафоры, “еще в древности человек умел из совокупности поведенческих характеристик того или иного животного отбирать наиболее важную для своих практических целей, в его сознании конструировался символ, соответствующий его представлению о животном, который физически переносился на него самого с уверенностью, что он сам обладает идентичными свойствами и качествами” [3, с. 90]. Процесс возникновения зооморфизмов начинается, таким образом, с перенесения человеческих свойств на животных, имена которых впоследствии используются для обозначения и характеристики людей. Как верно отмечает В.Н. Телия, “сознание человека сначала интерпретирует свойства некоторого объекта в “человекоподобных признаках”, а затем вновь переносит их на человека” [4, с. 108]. Того же мнения придерживается Н.А. Клушин, называя признаки такого типа антропоморфными и реверсивно приписываемыми человеку [5, с. 5].

Древние народные представления о животных складывались не только на основе непосредственных наблюдений, но и под влиянием верований, фольклора и мифологии. Изучение тотемизмов помогает объяснить загадки зооморфизмов, являющихся свидетельством культов и предрассудков наших предков. Так, у индейцев племени хопи барсук – тотем. Они верят, что барсук первым из животных прогрыз дырку в небе и поселился вблизи от людей, чтобы наблюдать за ними. Приписывали магическую силу барсуку и японцы, считая его предвестником опасности. Вплоть до сегодняшнего дня у них существует аллегорический образ предупреждающего человека об опасности барсука с колокольчиком на шее [6, с. 108]. До сих пор в папуасском племени моту в Новой Гвинее, где мало домашних животных и они высоко ценятся, новорожденных девочек называют Борома (свинья), так как папуасы верят, что, поедая свинину, они приобретают силу свиньи [7, с. 234]. Таким образом, именно в древности, с характерным для нее анимализмом в мировоззрении, начали складываться первые обобщения-символы, конкретизируемые в образе того или иного животного на основании мифов и поверий.

С течением времени знания о природе складывались как в результате наблюдений и фольклорных представлений, так и как совокупность книжных знаний о животном мире. Использование во многих современных языках зооморфизма *собака* в качестве одной из инвектив связывается с принятыми в Талмуде, Коране, Ветхом Завете толкованиями образа собаки как самого презренного, “поганого” существа, врага человека [7, с. 236-249]. Комплекс книжных знаний о природе базировался на античной и византийской традициях. Отличительными чертами данного набора знаний в средневековый период является чуждость эмпирическому методу исследования природы, обязательный элемент экзотики и мифологическое описание природных объектов [8, с. 26]. Характерной чертой средневековых рассказов о животных является не столько описание животных как таковых, сколько рассмотрение всех “ходеших и летеших тварей” с точки зрения нравоучительного смысла, заключенного в них, а также признание символизма, изначально заложенного как в природе живот-

ных, так и в их именах [8, с. 9]. Кроме того, сам символ здесь характеризуется многозначностью. Даже у одного символизирующего объекта в рамках одного сказания могли сочетаться противоположные значения. Например, единорог символизировал Христа и благочестивого человека, с одной стороны, и беса, с другой стороны.

В XV – XVI вв., когда выделились два комплекса знаний о природе (книжные знания и народные представления), существовали две картины мира, соответствующие этим знаниям, а образы животных в книжной и народной традиции соответственно были отличны. Книжная символика в значительной степени отличалась от символики животных в фольклоре и формировалась под влиянием церковной догматики [8, с. 44].

В целом точно установить, откуда берет начало традиция наделения животного тем или иным свойством, представляется не всегда возможным. С развитием литературы “поэтический гений изукрашивает старые сюжеты новыми узорами, а зоосемическая метафоризация и символизация получают новый мощный стимул” [6, с. 108]. Например, многочисленные народные сказки об осле создали миф о его глупости и упрямстве. Эти сказки стали основой для знаменитых басен Эзопа, закрепивших данный миф в виде символического образа осла. Символизм образа впоследствии распространился во многих языках и имеет сегодня лингвистические свидетельства.

Пласт зооморфизмов, как и сам язык, изменяется с течением времени под воздействием экстралингвистических и лингвистических факторов. Меняется его лексический состав, обогащается система значений отдельных лексем, на смену старым лексико-семантическим вариантам приходят новые. Даже сама классификация животных претерпевает изменения. Если в древней славянской традиции было принято распределять животных по таким классам, как: мужские и женские; чистые, божественные и нечистые, дьявольские; хтонические; ритуально изгоняемые и др. [9, с. 20-21], то сегодня принято выделять биологические классы животных (млекопитающие, рыбы, земноводные и т.д.).

Однако основные источники зооморфизмов остаются неизменными. Непосредственные наблюдения за представителями фауны в процессе взаимодействия человека с животным миром, книжные знания и фольклор представляют тех “трех китов”, на базе которых сформировался зооморфный код любого языка. Наблюдать за животными человек не переставал никогда. С развитием науки книжные знания о представителях фауны приобрели более углубленный и менее наивный и мифологизированный характер. Сегодня семантика названий животных и зоометафор в той степени определяется взглядами и верованиями человека древней культуры, в которой фольклор сохранил их до нашего времени, перенесся в литературу и бытовую речь.

Отличия в культурных представлениях являются основанием для несовпадения в традиционных характеристиках животных в разных языках. Например, отношение к крысе отрицательно во многих культурах, но русские не ассоциируют ее, как англичане, с предательством, или, как французы, с жадностью. Русские считают льва эталоном грации, силы и красоты, а у казахов он уродлив и неловок. У эскимосов лиса – символ мудрости, а не хитрости. Осел в большинстве европейских культур – символ тупости и упрямства, в чечено-ингушском ареале так могут называть невнимательного слушателя, так как уши у осла опущены, а у сербов осел несет ряд положительных свойств [7, с. 229-234].

Хотя зооморфный пласт каждого языка уникален и неповторим, можно утверждать наличие общего пласта совпадающих образных значений зоонимов в разных языках. А.А. Куприянова утверждает, что в основе универсальных прира-

щенных смыслов зооморфной фразеологии и паремиологии лежит общий этимологический источник, а появление этноспецифических приращений у зооморфизмов зависит от неповторимого исторического опыта каждого народа, а также свидетельствует о проявлении неформулируемых правил ассоциативного мышления у каждого этноса [10, с. 6]. А.Н. Молчанова видит причины совпадения в зооморфном коде не только в наличии общего источника (библейские сказания, верования, получившие распространение среди ряда народов, "Физиолог", басни Эзопа, Федра, Флориана, Лафонтена, И.А. Крылова, схожие наблюдения, восходящие к глубокой древности), но и в родстве языков, культурно-исторической близости народов, заимствованиях [11, с. 12-13]. Что касается последних, то следует согласиться с Ю.Л. Лясотой, который, указывая на трудности выявления достоверных и научно обоснованных признаков заимствования или оригинального происхождения лексемы, полагает, что "древнейшие поговорки и пословицы, возникшие в тот период, когда не было письменности и культурных контактов между народами в широком масштабе, должны были возникать независимо друг от друга по общей аналогии, по общим логическим основам т.с." [6, с. 107]. При этом автор приводит косвенные подтверждения. Так, в таких разных и географически удаленных языках, как русский, японский, китайский и древнееврейский, муравей одинаково символизирует трудолюбие, неприхотливость и простоту. Сравнивая зоосимволы в русском и английском языках, А.П. Бабушкин считает, что их сходство обусловлено подобными природными условиями жизни народов и объективными характеристиками животных, а несовпадения — не только географическими границами, но и фантазией народа, ценностями культуры и особенностями фольклора [3, с. 92].

Суммируя приведенные выше точки зрения, можно утверждать, что для современных языков сходство в переосмыслении того или иного образа животного в первую очередь обусловлено выбором объективного, реально присущего животному признака, служащего основанием для переноса имени, и общим этимологическим источником. Несходство в зооморфных образах в разных языках объясняется субъективными, вымышленными признаками, приписываемыми человеком животному, в том числе мифологизированными.

Кроме внешних факторов, обуславливающих специфику зооморфизмов отдельного языка, метафорические значения зоонимов находятся в определенной зависимости и от собственно языковых факторов: различий обозначений наименований животных, фонетического оформления наименований, законов эвфонии (рифма, ритм, аллитерация), которые в определенной степени влияют на процесс вторичной номинации [11, с. 19]. Роль эвфонических закономерностей прослеживается на следующих примерах: *care killed the cat, hot in togs*. А.Н. Молчанова считает, что в английском языке преобладающей оказывается аллитерация, что, возможно, связано с литературной традицией, восходящей к древнегерманским образцам. По наблюдениям Н.А. Лукьяновой, многие переносные лексико-семантические варианты, в том числе таких зоонимов, как *хомяк, хамелеон, ехидна, шавка, тюлень, крыса, гадюка, выдра* в русском языке, имеют в своей звуковой форме признаки звукосимволизма, или синестезии [12].

Языковая традиция связана и с факторами морфологического порядка. Например, для создания переносных значений зоонимов в русском языке могут служить уменьшительно-ласкательные формы: *кошечка, козочка*. Наименования животных, которые употребляются с суффиксом субъективной оценки, часто используются в русском языке, но отсутствуют в английском, где это отсутствие компенсируется более разветвленной системой переносных значений у других названий животных.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Яковлева, Е.С.** Человек <=> животное: взаимные языковые проекции / Е.С. Яковлева // Лики языка: К 45-летию науч. деятельности Е.А. Земской: сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; отв. ред. М.Я. Гловинская. – М.: Наследие, 1998. – С. 402-416.
2. **Доброва, С.И.** Тематическая группа “животный мир” в фольклорной картине мира (на материале конструкций с образным параллелизмом) / С.И. Доброва // Лингво-фольклористика-4: сб. науч. ст. / М-во образования Рос. Федерации, Кур. гос. пед. ун-т; отв. ред. А.Т. Хроменко. – Курск: КГПУ, 2000. – С. 13-21.
3. **Бабушкин, А.П.** Зооморфизм: символ и метафора / А.П. Бабушкин // Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / под ред. Ю.Т. Листровой-Правды. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1994. – С. 88-95.
4. **Телия, В.Н.** Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 143 с.
5. **Клушин, Н.А.** Зоо- и фитоморфные характеристики человека в английской разговорной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н.А. Клушин / Нижегород. гос. пед. ин-т иностр. языков им. Н.А. Добролюбова. – Н. Новгород, 1991. – 16 с.
6. **Лясота, Ю.А.** Английская зоосемия / Ю.А. Лясота. – Владивосток: Дальневост. ун-т, 1984. – 116 с.
7. **Жельвис, В.И.** Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / В.И. Жельвис. – М.: Ладомир, 1997. – 330 с.
8. **Белова, О.В.** Славянский бестиарий. Словарь названий и символики / О.В. Белова. – М.: Индрик, 1999. – 320 с.
9. **Гура, А.В.** Символика животных в народной традиции / А.В. Гура. – М.: Индрик, 1997. – 912 с.
10. **Куприянова, А.А.** Функциональные особенности зооморфизмов (на материале фразеологии и паремиологии русского, английского, французского и новогреческого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19, 10.02.01 / А.А. Куприянова / Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 1999. – 23 с.
11. **Молчанова, А.Н.** О соотношении внешних и внутренних факторов, влияющих на процесс вторичной образной номинации: автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А.Н. Молчанова. – М., 1981. – 27 с.
12. **Лукьянова, Н.А.** Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики) / Н.А. Лукьянова. – Новосибирск: Наука, 1986. – 227 с.

Поступила в редакцию 12.05.2008 г.